

«САЛАЛАКСКИЕ ДОСУГИ» В. А. СОЛЛОГУБА В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛООБРАЗОВАНИЯ 1850-х ГОДОВ

Сутягина Т. Е.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9842-6194>

Попова М. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

А н н о т а ц и я . Произведение В. А. Соллогуба «Салалакские досуги» (1855) до настоящего времени не переиздавалось и не становилось предметом жанрового анализа. В ходе исследования авторы статьи (опираясь на жанровую концепцию Н. Л. Лейдермана) доказывают, что «Салалакские досуги» – цикл, связующими элементами которого являются единство тематики и проблематики; преобладание личных субъектных форм выражения авторской позиции (в т. ч. наличие общего для большинства очерков цикла личного повествователя – «тифлисского фельетониста»); особая архитектоника и пространственно-временная организация (включающая хронотоп дороги, мотивы испытания и встречи), направленные на раскрытие мира кавказской природы и народонаселения; ассоциативные «скрепы» (образы, мотивы, символы, интертекстуальные и сверхтекстовые отсылки), поддерживающие внутреннее единство цикла и углубляющие его проблематику; различные оттенки интонирования, посредством которых выражается разнообразие кавказских флоры и фауны, этносов и их традиций, а также создается единое эмоциональное пространство произведения. Рассмотрение «Салалакских досугов» в контексте циклообразования 1850-х гг. позволяет авторам сделать вывод о том, что произведение В. А. Соллогуба является *эпическим циклом* (термин Ю. В. Лебедева), для которого (вследствие слияния новеллистической и очерковой циклообразовательных традиций двух предыдущих десятилетий) характерно многоаспектное изображение одной темы, равнозначная акцентуация пространственной и временной специфики, незавершенность, «композиционная рыхлость», актуализация ассоциативного мышления, неоднородность жанрового состава цикла, связанная, в частности, с процессом романизации. В заключении обосновывается закономерность обращения В. А. Соллогуба к эпическому циклу (как в контексте жанровых процессов середины XIX в., так и в аспекте художественных поисков писателя), отмечается динамика повествовательных жанров в творчестве В. А. Соллогуба: «Салалакские досуги» свидетельствуют о постепенном движении писателя к крупной жанровой форме – роману «Через край» (1885), создание которого во многом было подготовлено эволюцией центрального соллогубовского типа – «доброе, но безвольное малое».

К л ю ч е в ы е с л о в а : эпические циклы; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы.

“SALALAK LEISURE” BY V. A. SOLLOGUB IN THE CONTEXT OF CYCLIZATION IN THE 1850S

Tatyana E. Sutyagina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: [0000-0002-9842-6194](https://orcid.org/0000-0002-9842-6194)

Maria Yu. Popova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

Abstract. The work of V. A. Sollogub "Salalak Leisures" (1855) has not been republished until now and has not become the subject of genre analysis. In the course of the study, the authors of the article (based on the genre concept of N. L. Leiderman) prove that "Salalak Leisures" is a cycle, the connecting elements of which are the unity of themes and problems; the predominance of personal subjective forms of expression of the author's position (including the presence of a cycle of the personal narrator common for most essays – the "Tiflis feuilletonist"); special architectonics and spatio-temporal organization (including the chronotope of the road, motives of testing and meeting), aimed at revealing the world of Caucasian nature and population; associative "braces" (images, motives, symbols, intertextual and supertext references) that support the inner unity of the cycle and deepen its problems; various shades of intonation, through which the diversity of the Caucasian flora and fauna and ethnic groups and their traditions are expressed, as well as a single emotional space of the work is created. Consideration of "Salalak Leisures" in the context of the cycle formation of the 1850s allows the authors to conclude that the work of V. A. Sollogub is an epic cycle (the term of Yu. V. Lebedev), for which (due to the merger of the novelistic and essay cycle-forming traditions of the two previous decades) is characterized by a multifaceted image of one theme, an equivalent accentuation of spatial and temporal specificity, incompleteness, "compositional looseness", actualization of associative thinking, and heterogeneity of the genre composition of the cycle, associated, in particular, with the process of novelization. In the conclusion, the regularity of V. A. Sollogub's appeal to the epic cycle (both in the context of the genre processes of the middle of the 19th century and in the aspect of the writer's artistic search) is substantiated and the dynamics of narrative genres in V. A. Sollogub's work is noted: "Salalak Leisures" suggest the writer's movement towards a large genre form – the novel "Over the Edge" (1885), the creation of which was largely prepared by the evolution of the central Sollogub character – "a kind, but weak-willed good old sport".

Keywords: epic cycles; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary characters.

Для цитирования: Сутягина, Т. Е. «Салалакские досуги» В. А. Соллогуба в контексте циклообразования 1850-х годов / Т. Е. Сутягина, М. Ю. Попова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 178–189. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-15.

For citation: Sutyagina, T. E., Popova, M. Yu. (2021). "Salalak Leisure" by V. A. Sollogub in the Context of Cyclization in the 1850s. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 178–189. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-15.

«Пройдёт и ещё много лет, много нынешних знаменитостей будет безвозвратно погребено в старых библиотеках и имена их будут забыты навсегда, а имя гр. Соллогуба будет всегда стоять в первых рядах лучших русских писателей», – писал анонимный автор в номере журнала «Русская мысль» за 1886 г. [Цит. по: Тарантас]. Однако имя В. А. Соллогуба (1813–1882) словно бы вычеркнуто из истории русской литературы. Творческое наследие писателя не изучено в полном объеме. В литературоведении негласно принято считать заслуживающими внимания исключительно повести В. А. Соллогуба конца 30-х – первой половины 40-х гг. XIX в., успех которых подтвержден многочисленными восторженными откликами критиков и читателей. Интерес современных исследователей вызывает позднее творчество писателя (мемуары, воспоминания, роман «Через край»), хронологически озаглавленное рамками 70–80-х гг. Произведения середины века остаются неизученными до сих пор.

В обзорах жизни и творчества писателя данный период, в основном, обозначается

двумя «точками»: 1850 г. (повесть «Старушка», водевиль «Беда от нежного сердца») и 1856 г. (комедия «Чиновник»). Однако этими произведениями не исчерпывается творчество писателя обозначенного периода. В 1855 г. В. А. Соллогуб принимается за составление собственного собрания сочинений, в которое вошли все его произведения, а также ряд неопубликованных ранее текстов, написанных в период пребывания В. А. Соллогуба на Кавказе и заявленных автором под общим названием «Салалакские досуги». Публикация данного произведения не привлекла внимания современников и критики. Более того, «Салалакские досуги» не переиздавались ни при жизни писателя, ни после его смерти, а потому произведение оказалось незнакомо широкому кругу читателей. Между тем, на наш взгляд, оно является незаслуженно забытым и представляет особый интерес в контексте жанровой динамики творчества писателя.

В немногочисленных работах, содержащих упоминание о «Салалакских досугах», нет единообразия относительно пони-

мания жанровой природы произведения. Так, А. С. Немзер пишет, что В. А. Соллогуб в 1850-е гг. «публикует этногр. <афические> очерки (позднее объединены в цикл „Салалакские досуги“; вошли в Соч. <инения>, т. 5)» [Немзер 2007, V: 727]¹. И. Л. Багратион-Мухранели именует «Салалакские досуги» *сборником*, в котором соседствуют «очерки экономические... геологические, искусствоведческие, литературно-критические» [Багратион-Мухранели 2012: 48; см. также: она же 2012: 312–317]. Следовательно, по мнению Багратион-Мухранели, «очерки» – самостоятельные произведения, собранные под одной обложкой. Стоит отметить, что упомянутые исследователи являются авторами обзорных статей о жизни и творчестве писателя. Поэтому задачи изучения «Салалакских досугов» (и, тем более, обоснования их жанровой природы) они перед собой не ставили. Таким образом, вопрос о жанровой специфике произведения В. А. Соллогуба остается актуальным, чем и обусловлено наше обращение к нему.

Представляется продуктивной попытка рассмотрения «Салалакских досугов» в контексте циклообразования 1850-х гг.² Ю. В. Лебедев отмечал, что «за очерковым циклом 1850-х гг. стоит совершенно иной образ мира [нежели за циклом 1840-х гг. – Т. С., М. П.] <...> Уже как будто и не автор, а сама жизнь в своём повседневном течении *высвобождает* неожиданные и непредвиденные с философских высот *связи и обобщения*» [Лебедев 1973: 29]. Как утверждает исследователь, цикл 1850-х гг. соединил в себе циклообразовательные традиции двух предшествующих десятилетий: новеллистическую (1830-е гг.) и очерковую (1840-е гг.). Характерная для очеркового цикла нацеленность на общеизвестное и объективное сливалась с активизацией субъективного начала, свойственной новеллистическому циклу. Апелляция к предметно-пространственному изображению в циклах 1840-х гг. соединялась с равнозначным акцентированием

временной специфики изображаемого мира, что усложняло его хронотоп. Вследствие этого цикл 1850-х гг. становился оперативным жанром, выражающим «бытие современности в её эпохальной и локальной конкретности» [см. об этом: Ляпина 1999: 156–158].

Наряду с индивидуализацией повествования рационалистически упорядоченный мир, свойственный циклам физиологических очерков 1840-х гг., в циклических образованиях следующего десятилетия оказывался фрагментарным, отрывочным, незавершенным, что приводило к «композиционной рыхлости» [Лебедев 1977: 70] и требовало выработки принципов скрепления разрозненных частей в целостную картину. Одним из таких принципов становилась «актуализация ассоциативного мышления» [Ляпина 1999: 176] на сюжетно-композиционном уровне, что проявлялось в тщательном обдумывании авторами расположения очерков внутри цикла, образных и мотивных переключек между ними. Следствием взаимодействия двух циклообразовательных традиций оказывалась «жанровая гибридность» [Лебедев 1975: 33], то есть неоднородность входящих в цикл жанров или «полижанровость» структуры цикла [Фуникова 2010: 16]. Полагаем, проявление данной тенденции в произведении В. А. Соллогуба стало одной из причин неоднозначности его жанровой номинации.

«Салалакские досуги» посвящены теме освоения кавказского края, которая начала активно разрабатываться в произведениях русской словесности в период войн на Кавказе (1818–1861). Заветная страна «широкой раздольной воли... неисчерпаемой поэзии... кипучей жизни и смелых мечтаний» [Белинский 1955, VII: 373] и ранее нередко становилась предметом изображения в творчестве А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и др. В. А. Соллогуб попытался по-своему интерпретировать актуальную для его времени тему. Проблематика

¹ При этом А. С. Немзер не поясняет, какие именно очерки, по его мнению, вошли в «Салалакские досуги», но неоконченную повесть «Иван Васильевич на Кавказе» и статью «Несколько слов о начале кавказской словесности» исследователь помещает в один ряд с «Салалакскими досугами». Однако сам В. А. Соллогуб при составлении собрания сочинений включил два названных произведения в «Салалакские досуги». Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Т. С., М. П.

² В своем исследовании «Салалакских досугов» В. А. Соллогуба мы опираемся на жанровую концепцию Н. Л. Лейдермана. По мнению ученого, жанр – «„механизм“, который из комбинации составных элементов (носителей жанра) формирует художественную систему, именуемую произведением искусства», при этом «каждый отдельный носитель жанра несет на себе печать всего жанра» [см.: Лейдерман 2010: 138–142].

«Салалакских досугов» включает вопросы своеобразия кавказского климата, растительного и животного мира, характеров людей, проживающих на разных территориях Кавказа, их традиций и обычаев, культуры и истории. Все аспекты выбранной писателем темы кратко обозначены в очерке, открывающем «Салалакские досуги» («Очерк Кавказа»), а затем более подробно освещаются в отдельных произведениях.

Многоаспектному изображению Кавказа в произведении В. А. Соллогуба способствует субъектная организация. Образ автора в «Салалакских досугах» представлен различными субъектными формами: от безличного повествователя до личного повествователя и героя-рассказчика.

В первых трех очерках («Очерк Кавказа», «Изменения на лезгинской линии», «Алагирский серебро-свинцовый завод») повествование ведется от третьего лица (безличный повествователь). Они посвящены сопоставлению русской и кавказской природы и культуры, а также содержат описание специфики Кавказского хребта как пространства, являющегося причиной разнообразия орографии края, его климатологии и этнографии. Введение цепочки причинно-следственных связей требовало научного изложения с включением статистических выкладок, поэтому в некоторых случаях наблюдается несоответствие субъекта речи (безличного повествователя) и субъекта выражаемого сознания. В роли последнего выступают ученые О. И. Ходзько, Г. Ф. Паррот, Н. В. Ханьков, А. Гумбольдт, Г. В. Абиш и др. (в очерках даются сноски и ссылки на их труды), что придает описанию Кавказа эффект высокой степени объективности.

С четвертого очерка («Манглис») и далее меняется манера повествования: речь становится более «живой», образной, на смену безличному типу повествования приходит персонализированный и сюжетно проявленный образ автора, выраженный такой субъектной формой, как личный повествователь (он же – «тифлисский фельетонист»¹ (300), «летописец тифлисской жизни» (289)). Именно в свете со-

знания личного повествователя дается изображение в большинстве произведений «Салалакских досугов»: он «сообщает о событиях и людях, ему хорошо известных... постоянно присутствует в тексте, общается с героями, принимает участие в фабульном действии, хотя и не является главным объектом изображения» [Проскура 1992: 11].

Поначалу маскируя субъективное «я» за менее субъективным «мы», личный повествователь акцентирует свою причастность к Кавказу («...мы поставили себе в приятный долг... побывать в тех местах, где тифлисский житель укрывается от тифлисского лета» (289)) и противопоставляет себя «петербургским фельетонистам» («У нас на юге другое дело. На юге человек живет рука об руку с природой» (300)). Таким образом, личный повествователь выражает мировоззрение жителей Кавказа, считая себя носителем коллективного сознания. Данная авторская установка встречается в 14 произведениях из 19, входящих в «Салалакские досуги», и воплощает их центральную идею – взаимообогащение быта и культуры двух (русского и грузинского) этносов. В путевом очерке «Возвращение», посвященном истории путешествия из Сухума в Тифлис, личный повествователь впервые отчетливо выделяет себя среди спутников: «Я вспомнил тогда... об уютных покоях, где мы нежились в спокойных креслах» (329).

Расширение «горизонта видения мира» происходит и за счет использования иных субъектных форм, а также включения в некоторые произведения «Салалакских досугов» речи (а вместе с тем и сознаний) других героев. Так, субъективированной формой выражения авторской позиции в неоконченной повести «Иван Васильевич на Кавказе» становится автор-повествователь. При этом Кавказ показан и глазами героя повести – сорокалетнего помещика Ивана Васильевича, имеющего стереотипное представление о Кавказе: «Ему так и казалось, что вот сейчас пойдут утесы и пропасти, и что из-за всех углов будут выглядывать зверские лица горцев с винтовками» (472). Характерно использование в повести речи и сознаний офицеров,

¹Здесь и далее цит. по: Соллогуб, В. А. Салалакские досуги // Сочинения графа В. А. Соллогуба: в 5 т. СПб.: Изд-е А. Смирдина (сына), 1855. Т. 5. С. 236–531 (с указанием номера страницы).

которые рассуждают о Кавказе «по-свойски», без романтических штампов: «– Да штурмовали мы аул: над самой кручей развалилась башня да меня и прищемила. Шестнадцать часов лежал под камнями. – Помилуйте... да это же страшное положение... об чем же вы думали тогда? – Да об чем же думать? Думал, пропал бедный Терентий. Так и думал, больше об чем же думать? Однако, господа, закусьте бы пора» (492).

В произведении «Что такое бенефис?», внешне напоминающем драматический отрывок, встречается еще одна субъектная форма – герой-рассказчик, коим предстает актер Иванов, выступающий перед коллегами с репликой о подготовке бенефиса. Речь рассказчика ориентирована на устное, произносимое слово, а потому буквально пестрит разговорными элементами, упрощенными синтаксическими конструкциями, обращениями и экспрессивными выражениями: «Вы сами знаете, в каком положении у нас современное драматическое искусство. Во-первых, играть у нас нечего. Во-вторых, играть у нас некому. Выбирай-ка, г-н бенефициант, в репертуар для поддержания твоих доходов, а глядь, в репертуаре такая дрянь, что и смотреть грустно, или такое старье, что всякий наизусть знает» (433).

Несмотря на то, что субъектной формой выражения авторского сознания в последнем очерке («Уплис-цихе») является личный повествователь, «Салалакские досуги» все же завершаются объективированным взглядом на Кавказ, тем самым закольцовывая композицию произведения. Такой эффект достигается за счет включения в очерк отрывка из летописи, повествующей об основании одного из древнейших поселений на Кавказе – Уплис-цихе. Специфика бытования летописного жанра (коллективное авторство) сказывается на речи личного повествователя, в которой выражается несколько неотделимых друг от друга сознаний.

В. А. Соллогуб освещает Кавказ с разных ракурсов, формирующих «горизонт видения мира» в «Салалакских досугах»: многосубъектность произведения, вызванная стремле-

нием дать всеобъемлющий взгляд на предмет изображения – Кавказ, становится важной формой выражения авторской позиции.

Пространственно-временная организация произведения является *внесубъектной* формой выражения авторского сознания [см. об этом: Корман 2006: 101]. Архитектоника «Салалакских досугов» направлена на раскрытие заявленной темы. В. А. Соллогуб делит весь корпус очерков на две части (I: «Очерк Кавказа» – Алагирский серебряно-свинцовый завод, II: «Манглис» – «Уплис-цихе»)¹. Следует отметить особое положение (в идейно-тематическом плане) среди всех произведений первого («Очерк Кавказа») и двух последних очерков («Боржом», «Уплис-цихе»), что, по мнению В. А. Сапогова, является одним из конструктивных принципов составления циклов середины XIX в. [см. об этом: Сапогов 1967: 118].

Специфическими «опорами», на которых «держатся» «Салалакские досуги», становятся очерк «Возвращение» и неоконченная повесть «Иван Васильевич на Кавказе», описывающие два путешествия и перекликающиеся за счет включения в них центрального для всего произведения хронотопа дороги, а также мотивов испытания и встречи. Подобная «рифовка» сюжетных фрагментов, повторяемость хронотопов и мотивов являются признаками циклического повествования [см.: Пономарева 2006: 108].

9 очерков между «Возвращением» и повестью «Иван Васильевич на Кавказе» составляют своеобразное «ядро» «Салалакских досугов». Все они посвящены событиям, происходящим в Тифлисе. Ведущее положение этого города подчеркнуто и в названии произведения: Салалаки – центральный район Тифлиса. Подробное описание людей, событий, обычаев, архитектуры, культуры самого просвещенного города Кавказа воплощает одну из главных идей «Салалакских досугов» – идею синтеза русской и кавказской культур.

Фабульное время произведения ограничивается периодом пребывания личного повествователя на Кавказе (1852–1855) и соотно-

¹ Отметим, что наличие нумерации и названий произведений считается одним из ключевых циклообразовательных принципов [Дарвин 1983: 74].

сится с определенным пространством – городами, по которым он путешествует: Тифлис, Коджор, Боржом, Гори, Манглис, Алагир, Сухум и др. Однако при прочтении произведения возникает иное впечатление: художественное время оказывается значительно шире фабульного. Такой эффект создается за счет частого включения в текст хронотопа дороги: «на дороге („большой дороге“) пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [Бахтин 2012, III: 489–490].

Раскрыть многообразие кавказского мира природы и народонаселения позволяют мотив встречи и соотнесенный с ним мотив испытания, введение которых в очерке «Возвращение» придает сюжету свойства сказочного: здесь встречаются друзья-помощники (князь Дмитрий, абхазский князь, мергел), волшебные предметы (тарантас), дарители (князь Дмитрий, старый дворянин), вредители (абхазцы), препятствия (шторм, дожди в горах, быстрые потоки глубоких рек, труднопроходимые леса). Преодолевая испытания, повествователь открывает для себя живописные пейзажи Кавказа: видит «снежные вершины... дремучий лес» (324), слышит «бурное завывание недалекого моря» (333), любитесь раскинувшейся у ног лесистой долиной, по которой река вьется и теряется «вдали широкой серебряной лентой», небосклоном, замыкающимся на горизонте горами, «чудно освещенными» лучами солнца (356).

Встречи с представителями разной местности становятся иллюстрацией идеи обусловленности культуры и быта людей местом их проживания: от дикой и необузданной жизни в котловинах и горах к более просвещенной жизни на равнинах. Порой «на протяжении нескольких верст можно видеть и изучить три главные эпохи всемирной истории» (253): первобытное время, средневековье и эпоху «настоящего русского владычества» (254). Повествователь встречает на своем пути саклю мингрельца, представляющую собой «большую плохо плетеную корзинку, покрытую листьями и камышом» (335). В Зугдидах ночует во дворце владетельного князя,

где его поражает сочетание уважения «к старинным феодальным обычаям» с просвещенным стремлением «ко всем полезным нововведениям» (348). Наконец, самым окультуренным городом, в котором обнаруживается синтез русского и кавказского, по мнению повествователя, является Тифлис.

В очерках, посвященных этому городу, дается изображение не только особенностей климата, но и культурной жизни кавказской столицы: возобновление Сионского собора, открытие театра, издание первого альманаха произведений русских и грузинских писателей о Кавказе. Мимоходом высказанная в других очерках мысль повествователя о византийском стиле как общем протостиле для русской и грузинской архитектур получает развитие в очерке «Возобновление Сионского собора»: «Византийское зодчество, издревле водворившееся в некоторых частях Кавказа, имеет для нас, русских, высокое значение, как коренной, символический, наружный первообраз нашей Церкви» (378–379). Еще одним «скрепом» русской и кавказской культур в «Салалакских досугах» является арабский стиль в архитектуре, что наглядно представлено в очерке «Новый театр в Тифлисе (графу М. Ю. Виельгорскому)»: убранство зала театра напоминает повествователю «предметы древней русской утвари с разноцветной финифтью» (403–404).

Однако не только культура, но и природа Кавказа имеет русские «уголки». В деревне Манглис «тифлисский фельетонист» встречает островок «отчизны на чужбине» в сосновой роще с характерным для русской природы маленьким овражком, где «под ногами грибы... кругом и далее кусты малины и березы... рябина с багровыми гроздьями». Названные приметы родного края вызывают в памяти повествователя другие картины русского быта и природы: «косогор к речке», «мостик у питейного дома», «длинный ряд избенок», «молодицы в душегрейках и парни у колодца» и т. д. Таким образом, Кавказ может не только «заимствовать» русские приметы, но и изначально содержать в себе элементы русской природы, культуры и быта.

Изображаемый в «Салалакских досугах» Кавказ противопоставляется Петербургу как

символу рутинной цивилизованной жизни¹. Мир Петербурга показан как нечто искусственное («петербургская жизнь устроилась независимо от погоды» (298)), шумное («Ты вспомнил обо мне посреди столичного шума» (437)), циничное («В Петербурге <...> письма эти [челобитные. – Т. С., М. П.] ...никогда не читаются» (410)) в противовес естественности Кавказа, тишине его гор и лесов, задушевности южного народа.

Важным топосом для выявления специфики Кавказа в «Салалакских досугах» становится Италия. На Кавказе до сих пор сохраняются следы Генуэзских колоний. Кавказский хребет оказывает на климат и быт Кавказа то же воздействие, что и Альпы на Италию. Однако повествователю важен и эстетический аспект сопоставления Кавказа и Апеннинского полуострова. Культура Тифлиса насыщена образами и напевами из итальянских опер Г. Доницетти и В. Беллини; жителей Италии и Кавказа, по мнению повествователя, объединяет «редкое чутье, инстинктивное понятие прекрасного» (419). Так, через сравнение, с одной стороны, с Петербургом, а с другой – с Италией, «тифлисский фельетонист» идентифицирует Кавказ.

Отметим также локус, который, цитируя повествователя, можно назвать «живым обломком древнего мира»: развалины замков, монастырей, церквей. Данный локус, возникающий в 8 очерках, позволяет расширить пространство по линии его четвертого измерения – времени. Причем архитектоника произведения подчинена этой устремленности вдаль: очерки «Боржом» и «Уплис-цихе», посвященные описанию древних поселений Кавказа, помещаются В. А. Соллогубом в самый конец «Салалакских досугов». Однако очерк «Боржом» (18-й в корпусе очерков) хронологически написан прежде очерка «Коджор» (5-й в «Салалакских досугах»), о чем свидетельствует оговорка «тифлисского фельетониста» в очерке «Коджор»: «Правило, о котором мы говорили в нашей статье о Боржоме, и здесь нашло свое отражение» (304). В очерке «Боржом» описаны средне-

вековые крепости Гогисцихе и Петерсцихе, а также древнее «кочевье» грузинской царицы Тамары – Вардзия (XII–XIII вв. н. э.). В «Уплис-цихе» изображается поселение с трехтысячелетней историей: «отлогий отклон, весь изрытый пещерами с сенями, которые, как черные разинутые пасти, зевают на все стороны» (326). Такое расположение очерков делает произведение В. А. Соллогуба принципиально незавершенным, распахнутым как назад (к моменту начала освоения Кавказа), так и вперед – разгадать тайны прошлого этого края предстоит будущим ученым.

Максимальному расширению художественного мира произведения способствует ассоциативный фон – аура, которая образуется «намекающими текстовыми знаками» (открытыми и скрытыми ассоциациями) [Лейдерман 2010: 135]. В очерке «Возвращение» дорога из Сухума в Тифлис сравнивается со странствиями Одиссея («хочу рассказать я... Одиссею моего настоящего возвращения в Тифлис» (310)); путников провожает римская богиня Аврора («поезд наш тронулся при первом мерцании утренней Авроры» (321)); падающий в пути тарантас получает имя Минерва. Так, в данном очерке под реальным повествовательным пластом таится еще один образованный подтекстом культурный «срез», раздвигающий границы воссоздающегося в «Салалакских досугах» образа мира.

Упомянутый тарантас, появляющийся в двух произведениях («Возвращение» и «Иван Васильевич на Кавказе»), представляет собой интертекстуальную отсылку к более раннему произведению В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845): «Я не хочу обидеть себя грустным предположением, что вы забыли Ивана Васильевича, ...который изучал когда-то Русь, странствуя с Василием Ивановичем в тарантасе» (453). В «Салалакских досугах» поездка героя на тарантасе представляется продолжением пути, начатого десять лет назад.

Еще один ассоциативный пласт, незримо присутствующий в «Салалакских досугах» и также связанный с идеей просвещения кавказского края, – упоминание грузин-

¹ В. И. Шульженко называет это одной из идентификационных социокультурных оппозиций в русской литературе: «Петербург и Кавказ – пожалуй, одна из наиболее ярких образно-географических пар на евразийском пространстве, которую можно считать ипостасью глобальной антиномии „Север-Юг“, имеющей для России не временный и локальный, а универсальный и перманентный характер» [Шульженко 2017: 106].

ских царей и святых. В произведении часто появляется образ царицы Тамары (1166–1213), во время правления которой Грузия достигла пика своего культурного развития. образу царицы сопутствует имя политического деятеля и придворного поэта Шота Руставели (ок. 1172–1216). В очерках также упоминаются Давид-Возобновитель (1089–1125), с личностью которого соотносится начало восстановления государства и укрепление православной церкви, святая Нина (ок. 280–335) – главный символ христианского просвещения в Грузии. Благодаря ассоциативному слою, связанному с культурным развитием кавказского края, подтверждается важность настоящего момента его освоения.

В качестве сверхтекста в «Салалакских досугах» выступают отсылки к ариям из итальянских опер, подкрепляющие мысль о Кавказе как «русской Италии». Например, муши в очерке «Ария. Об итальянской опере в Тифлисе» поют арию «Un pescalor ignobile» («Бедный рыбак») из оперы Г. Доницетти «Лукреция Борджиа», что отсылает читателя к образу Дженнaro (ему и принадлежит ария), выросшего в семье рыбака, однако по крови являющегося сыном дамы знатного происхождения Лукреции Борджиа. Проводники верблюжьих караванов «при виде восходящего месяца... затягивают хором» арию Нормы «Costa diva» («Пречистая богиня») из одноименной оперы В. Беллини, что свидетельствует о неизменном желании людей обрести на земле тот же покой, что и на небе.

Так, ассоциативный фон «Салалакских досугов» позволяет расширить, содержательно углубить художественный мир произведения, образы его персонажей, а также является формой выражения авторской позиции: В. А. Соллогубу важно показать не только природное богатство края, его климатическое разнообразие, но и эстетическую одаренность народа, культурный потенциал, «затаившийся» в национальном характере со времен Давида-Возобновителя и царицы Тамары.

Поскольку «событийная канва» (Н. Л. Лейдерман) очерков расслаблена, высокая степень нагрузки в произведении В. А. Соллогуба приходится на такой носитель жанра, как интонационно-речевая организация. Для первых трех очерков «Салалакских досугов»

характерно использование стилистически нейтральной или специальной лексики («орография», «термические свойства», «центральная изометрическая линия», «картвельская народность» и т. д.), своего рода статических данных, касающихся температур на разных возвышенностях Кавказа, количества населения каждого этноса на тех или иных территориях и пр. Подобная стилистика свидетельствует об установке автора на достоверность, объективность изображения.

Особенностью интонационно-речевой организации второй части очерков является фельетонная манера (которой свойственен простой, но изящный стиль, отражающий задушевные мысли повествователя), что играет важную роль в формировании тандема «автор и читатель». Атмосфера доверительности создается за счет использования устойчивых выражений («Но приятели наших приятелей и нам приятели» (292); «как Бог велел, нежданно, негаданно» (295)), обращений к читателю («но теперь я хочу представить вам только образчик здешних путешествий» (310–311)).

Интонация «тифлисского фельетониста» характеризуется эмоциональной взволнованностью, приподнятостью тона. К примеру, при виде похоронной процессии (очерк «Манглис») размышления повествователя о посмертной жизни русского солдата интонационно напоминают похоронные причитания: «Будешь ты лежать на чужой стороне и узнают о том рано ли, поздно в твоей деревне, и вспомнят о тебе добрым словом, и отец твой старик перекрестится...» (295). Эта интонация как выражение со-чувствия, со-причастности к судьбе солдата вызывает в читателе доверие к повествователю и, соответственно, ко всем его словам.

Часто «летописец тифлисского быта» использует в речи изобразительно-выразительные средства. Так, фитоморфные метафоры наглядно представляют связь природы Кавказа с этносами, его населяющими: «поселяне... с плоской папанахой, надетой в виде тарелки на подстриженные в кружок и густые, дремучие, как окружающие леса, волосы» (344). Обилие олицетворений одухотворяет описываемую местность: рассказчик слышит «вольный говор потока» (328), видит, как «черная

ночь» набрасывает «на все предметы свое черное покрывало» (328).

Особое место в «Салалакских досугах» занимает очерк «Несколько слов о начале кавказской словесности», содержащий отрывки из стихов малоизвестных поэтов. Как сообщает «тифлисский фельетонист», кавказская природа оказывает «благодетельное действие» на физическое состояние людей и на их творчество. Таким образом, в «Салалакских досугах» Кавказ представлен не только в «сухих» научных выкладках, но и в «живой» прозаической речи повествователя, в поэтическом слове.

Н. А. Добролюбов, в 1857 г. негативно отозвавшийся о творчестве В. А. Соллогуба, все же отмечал умение писателя передавать чужую речь [см.: Добролюбов 1961]. К примеру, в третьей главе неоконченной повести «Иван Васильевич на Кавказе» представлен диалог двух офицеров с характерными для данного слоя населения речевой парцелляцией («Малый он сметливый, не бонжур какой-нибудь, ядрам не кланяется» (482–483)) и специфическими оборотами («пришлось быть в *секрете*», «попадешь в *сентябристы*», «выступаем *ящиком*» (483–489)), отражающими не только способ мышления и лексическое разнообразие языка героев, но и обусловленность подобных речевых особенностей длительным пребыванием на Кавказе. Однако повествователь подчеркивает, что в более «окультуренной» и относительно спокойной местности (Тифлис) речь жителей европеизируется («В воздухе так и сыплются со всех сторон гаммы, триллеры, фиоритуры, диезы, бемоли и *dolce atome* и *тепеге сиоге* на все тоны на все лады» (387)), о чем «тифлисский фельетонист» отзывается с восхищением. Различные оттенки «интонирования» в повествовании о Кавказе создают единое эмоциональное пространство произведения.

Весь корпус «Салалакских досугов» посвящен одной теме (освоение Кавказа), которая раскрывается в каждом очерке в определенном аспекте. Единство темы и проблематики, скрепляющий большинство очерков образ автора (выраженный в формах личного повествователя, автора-повествователя, героя-рассказчика) позволяют нам сделать вывод о том, что «Салалакские досуги» – не что иное,

как цикл. Добавим, что жанровое единообразие входящих в состав цикла произведений не является обязательным критерием его целостности. Вероятно, неоднородность жанрового состава цикла связана с таким эволюционным жанровым изменением, как *романизация*, которая, по словам О. В. Зырянова, «со всей очевидностью свидетельствует о ведущихся... важнейших жанровых поисках, соответствующих растущим потребностям художественного сознания эпохи» [Зырянов 2003: 380].

Полагаем, возникновение *эпического цикла* в творчестве В. А. Соллогуба следует рассматривать не только в контексте жанровых процессов 1850-х гг., но и в аспекте творческой эволюции писателя. Цикл «Салалакские досуги» – со свойственными ему субъектной организацией, осложненной введением разных голосов-сознаний (подобие романного разноречия), масштабной пространственно-временной организацией, включающей типично романский хронотоп «большой дороги», богатым ассоциативным фоном, интонационно-речевым многообразием – свидетельствует о движении писателя к крупной жанровой форме. Ею в творчестве В. А. Соллогуба станет роман – последнее произведение писателя «Через край» (1885). С. И. Ермоленко и Н. А. Валек, установили, что к созданию романа В. А. Соллогуба (автора светских повестей) закономерно вела эволюция центрального для всего творчества писателя образа героя – «доброего, но безвольного малого», обусловленная расширением его контактов с миром [см. об этом: Ермоленко, Валек 2013]. Вместе с тем полагаем, что создание романа было подготовлено также и творческими поисками В. А. Соллогуба 1850-х гг., результатом которых становится обращение писателя к жанровой форме цикла. Неслучайно становление героя романа «Через край», которое приходится на те же 50-е годы, связано с Кавказом. Он, как и личный повествователь «Салалакских досугов», будет странствовать «по казенной надобности» по тем же бескрайним просторам и горным дорогам, познавая мир и людей.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что цикл «Салалакские досуги» занимает важное место в творчестве писате-

ля. Изучение данного цикла не только способствует расширению представления о литературном наследии В. А. Соллогуба, но и углубляет существующее понимание жанровых процессов в русской литературе середины XIX века.

Литература

- Багратион-Мухранели, И. Л. Граф В. А. Соллогуб и Кавказ / И. Л. Багратион-Мухранели // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 5 (1). – С. 312–317.
- Багратион-Мухранели, И. Л. Грузия в период наместничества графа М. С. Воронцова / И. Л. Багратион-Мухранели // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2012. – № 22. – С. 46–50.
- Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Языки славянских культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–512.
- Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР ; Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1955. – Т. VII. – С. 358–385.
- Бороздин, А. К. Соллогуб / А. К. Бороздин // Русский биографический словарь. – СПб. : Общественная Польша, 1909. – С. 96–98.
- Бороздин, К. А. Из моих воспоминаний / К. А. Бороздин // Исторический вестник. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1889. – Т. XXXVI. – С. 690–700.
- Дарвин, М. Н. Проблема цикла в изучении лирики : учеб. пособие / М. Н. Дарвин. – Кемерово : Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1983. – 104 с.
- Добролюбов, Н. А. Сочинения графа В. А. Соллогуба / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений : в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова [и др.] – М. ; Л. : Гослитиздат. Ленинградское отделение, 1961. – Т. 1. – С. 520–543.
- Ермоленко, С. И. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики / С. И. Ермоленко, Н. А. Валек. – Екатеринбург, 2013. – 253 с.
- Зырянов, О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 548 с.
- История русской литературы XIX века : уч-к для студентов вузов : в 3 ч. / под ред. В. И. Коровина. – М. : Гуманитар, изд. центр «ВЛАДОС», 2005. – Ч. 2. – 524 с.
- Корман, Б. О. Избранные труды. Теория литературы / Б. О. Корман. – Ижевск : Ин-т компьютерных исслед., 2006. – 551 с.
- Лебедев, Ю. В. Проблемы поэтики очерковых и новеллистических циклов 1840-50-х годов / Ю. В. Лебедев // Проблемы теории и истории литературы. – 1973. – Вып. 36. – С. 26–71.
- Лебедев, Ю. В. У истоков эпоса (очерковые циклы в русской литературе 1840-1860-х годов) : пособие для слушателей спецкурса / Ю. В. Лебедев. – Ярославль : [б. и.], 1975. – 162 с.
- Левин, М. Цикл новелл и роман (к вопросу о типологии прозы) / М. Левин // Материалы XXVII научной студенческой конференции. – Тарту : [б. и.], 1972. – С. 124–126.
- Лейдерман, Н. Л. Теория жанра. Исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман / Ин-т филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
- Ляпина, Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л. Е. Ляпина. – СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 1999. – 281 с.
- Немзер, А. С. Проза Владимира Соллогуба / А. С. Немзер // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М. : Правда, 1988. – С. 9–11.
- Немзер, А. С. Соллогуб Владимир Александрович / А. С. Немзер // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М. : Большая российская энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 722–729.
- Осповат, А. Л. Примечания / А. Л. Осповат // Соллогуб В. А. Три повести. – М. : Советская Россия, 1978.
- Пономарева, Е. В. Стратегия художественного синтеза в русской новеллистике 1920-х годов : монография / Е. В. Пономарева. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2006. – 452 с.
- Потапова, З. С. Тенденция циклизации малой прозы в творчестве М. Веллера : дис. ... канд. филол. наук / Потапова З. С. – Челябинск : [б. и.], 2018. – 285 с.
- Проскурина, Ю. М. Типология образа автора в творчестве Ф. М. Достоевского / Ю. М. Проскурина. – Екатеринбург : [б. и.], 1992. – 56 с.
- Сапогов, В. А. Поэтика лирического цикла А. А. Блока : дис. ... канд. филол. наук / Сапогов В. А. – М. : [б. и.], 1967. – 206 с.
- Соллогуб, В. А. Избранная проза / В. А. Соллогуб. – М. : Правда, 1983. – 513 с.
- Соллогуб, В. А. Салалакские досуги / В. А. Соллогуб // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. – СПб. : Изд-е А. Смирдина (сына), 1855. – Т. 5. – С. 236–531.
- Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба. – Текст : электронный // Русская мысль. – 1886. – URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_1886_tarantas_olderfo.shtml (дата обращения: 15.11.2020).
- Фуникова, С. В. Жанровое своеобразие циклов предреформенного периода «Записки охотника» И. С. Тургенева и «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина : дис. ... канд. филол. наук / Фуникова С. В. – Белгород : [б. и.], 2010. – 183 с.

Шульженко, В. И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия / В. И. Шульженко // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 104–108.

Якушин, Н. И. Писатель с замечательным дарованием / Н. И. Якушин // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М.: Советская Россия, 1988. – С. 3–20.

References

- Bagration-Mukhraneli, I. L. (2012). Graf V. A. Sollogub i Kavkaz [Count V. A. Sollogub and the Caucasus]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 5 (1), pp. 312–317.
- Bagration-Mukhraneli, I. L. (2012). Gruzija v period namestnichestva grafa M. S. Vorontsova [Georgia during the Governorship of Count M. S. Vorontsov]. In *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. No. 22, pp. 46–50.
- Bakhtin, M. M. (2012). Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of Time and Chronotope in the Novel]. In *Soznanie sochinenii*, in 7 vols. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 3, pp. 340–512.
- Belinsky, V. G. (1955). Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat'ya shestaya [Works by Alexander Pushkin. Article Six]. In *Polnoe sobranie sochinenii*, in 13 vols. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). Vol. VII, pp. 358–385.
- Borozdin, A. K. (1909). Sollogub [Sollogub]. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya Pol'za, pp. 96–98.
- Borozdin, K. A. (1889). Iz moikh vospominanii [From My Memories]. In *Istoricheskii vestnik*. Saint Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. Vol. XXXVI, pp. 690–700.
- Darvin, M. N. (1983). *Problema tsikla v izuchenii liriki* [The Problem of the Cycle in the Study of Lyrics]. Kemerovo. 104 p.
- Dobrolyubov, N. A. (1961). Sochineniya grafa V. A. Solloguba [Works of Count V. A. Sollogub]. In *Sobranie sochinenii*, in 9 vols. / ed. by B. I. Bursov. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, Leningradskoe otdelenie. Vol. 1, pp. 520–543.
- Ermolenko, S. I., Valek, N. A. (2013). V. A. Sollogub «Cherez kraï»: zabytaya stranitsa russkoi romanistiki [V. A. Sollogub “Over the Edge”: A Forgotten Page of Russian Novel Studies]. Ekaterinburg. 253 p.
- Funikova, S. V. (2010). *Zhanrovoe svoeobrazie tsiklov predreformennogo perioda («Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva i «Gubernskie ocherki» M. E. Saltykova-Shchedrina)* [Genre Originality of the Cycles of the Pre-Reform Period (“Notes of a Hunter” by I. S. Turgenev and “Provincial Essays” by M. E. Saltykov-Shchedrin)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod. 183 p.
- Korman, B. O. (2006). *Izbrannye trudy. Teoriya literatury* [Selected Works. Literary Theory]. Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovaniï. 551 p.
- Korovin, V. I. (Ed.). (2005). *Istoriya russkoi literatury XIX veka: v 3 ch.* [History of Russian Literature of the 19th Century: A Textbook for University Students, in 3 parts]. Moscow, Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr «VLADOS». Part 2. 524 p.
- Lebedev, Yu. V. (1973). Problemy poetiki ocherkovykh i novellisticheskikh tsiklov 1840–50-kh godov [Problems of Poetics of Essay and Novel Cycles of the 1840–50s]. In *Problemy teorii i istorii literatury*. Issue 36, pp. 26–71.
- Lebedev, Yu. V. (1975). *U istokov eposa (ocherkovye tsikly v russkoi literature 1840–1860-kh godov)* [At the Origins of the Epic (Essay Cycles in Russian Literature 1840–1860s)]. Yaroslavl. 162 p.
- Leiderman, N. L. (2010). *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [Genre Theory. Research and Analysis]. Ekaterinburg. 904 p.
- Levin, M. (1972). Tsikl novelli i roman (k voprosu o tipologii prozy) [A Cycle of Short Stories and a Novel (On the Question of Prose Typology)]. In *Materialy XXVII nauchnoi studencheskoi konferentsii*. Tartu, pp. 124–126.
- Lyapina, L. E. (1999). *Tsiklizatsiya v russkoi literature XIX veka* [Cyclization in Russian Literature of the 19th Century]. Saint Petersburg. 281 p.
- Nemzer, A. S. (1988). Proza Vladimira Solloguba [Prose by Vladimir Sollogub]. In Sollogub, V. A. *Povesti i rasskazy*. Moscow, Pravda, pp. 9–11.
- Nemzer, A. S. (2007). Sollogub Vladimir Aleksandrovich [Sollogub Vladimir Alexandrovich]. In *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 5, pp. 722–729.
- Ospovat, A. L. (1978). Primechaniya [Notes]. In Sollogub, V. A. *Tri povesti*. Moscow, Sovetskaya Rossiya.
- Ponomareva, E. V. (2006). *Strategiya khudozhestvennogo sinteza v russkoi novellistike 1920-kh godov* [The Strategy of Artistic Synthesis in Russian Short Stories of the 1920s]. Chelyabinsk, Biblioteka A. Millera. 452 p.
- Potapova, Z. S. (2018). *Tendentsiya tsiklizatsii maloi prozy v tvorchestve M. Vellera* [The Tendency of Cyclization of Small Prose in the Works of M. Veller]. Dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 285 p.
- Proskurina, Yu. M. (1992). *Tipologiya obraza avtora v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Typology of the Author's Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Ekaterinburg. 56 p.
- Sapogov, V. A. (1967). *Poetika liricheskogo tsikla A. A. Bloka* [The Poetics of the Lyric Cycle by A. A. Blok]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 206 p.
- Shul'zhenko, V. I. (2017). «Kavkazskii tekst» russkoi literatury: granitsy opisaniya i paradoksy vospriyatiya [“Caucasian Text” of Russian Literature: the Boundaries of Description and Paradoxes of Perception]. In *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. Vol. 11. No. 1, pp. 104–108.
- Sollogub, V. A. (1855). Salalakskie dosugi [Salalak Leisure]. In *Sochineniya grafa V. A. Solloguba*, in 5 vols. Saint Petersburg, Izdanie A. Smirdina (vna). Vol. 5, pp. 236–531.
- Sollogub, V. A. (1983). *Izbrannaya proza* [Selected Prose]. Moscow, Pravda. 513 p.

Tarantas. Putevye vpechatleniya. Sochinenie grafa V. A. Solloguba [Tarantass. Travel Impressions. Composition of Count V. A. Sollogub]. (1886). In *Russkaya mysl'*. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_1886_tarantas_olderfo.shtml (mode of access: 15.11.2020).

Yakushin, N. I. (1988). Pisatel's zamechatel'nyim darovaniem [A Writer with a Remarkable Gift]. In Sollogub, V. A. *Povesti i rasskazy*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 3–20.

Zyryanov, O. V. (2003). *Evolutsiya zhanrovogo soznaniya russkoi liriki: fenomenologicheskii aspekt* [Evolution of Genre Consciousness of Russian Lyrical Poetry: Phenomenological Aspect]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogko universiteta. 548 p.

Данные об авторах

Сутягина Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ste.uspu@mail.ru.

Попова Мария Юрьевна – аспирант, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: pop.mashaz014@yandex.ru.

Authors' information

Sutyagina Tatyana Evgenievna – Assistant Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Popova Maria Yurievna – Post-Graduate Student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).